

СЕРИЯ «ОЗАРЕНИЯ» ПРЕМИИ-МЕДАЛИ АРТУРА РЕМБО

КРАСИЛЬЩИК ЛУНЫ

ЕЛЕНА БРЮС

Елена Брюс
Красильщик луны.
Эссеистическая поэма
Серия «Озарения (Интернациональный
Союз писателей)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63111161

*Красильщик луны. Эссеистическая поэма: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907350-99-1*

Аннотация

Эта книга – случайная встреча, диалог с поэтом и его наследием, которое во сне и наяву мерещится на каждом шагу жизни автору, разговор ни о чем и обо всем.

Вглядитесь в лица прохожих: он здесь, рядом с вами, одержимый властью над собственным Голосом алхимик, рыдающий над современностью и олицетворяющий ее издревле, – поэт Артюр Рембо. Пытающийся «переписать настоящее, чтобы изменить будущее». Кто сегодня осмелится заразиться пьянящим духом познания действительности и мудрости и ответить ему тем же?

Содержание

Об авторе	5
Письмо, которое никогда не было отправлено, но адресат ответил	7
Здравствуй, Рембо	11
Пьяный корабль[1]	15
Затмение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Брюс
Красильщик луны
Эссеистическая поэма

Серия премии-медали Артюра Рембо

Об авторе

ЕЛЕНА БРЮС – типичный представитель тех творческих личностей, что поют песни под гитару у костра и чита-

ют стихи собственного сочинения своим кошкам, рифмуют поздравления для друзей и все свои произведения убирают в ящик стола. Большинство из таких авторов остаются неуслышанными и неузнанными. Но некоторые прилагают усилия и находят смелость, чтобы превратить свои внутренние монологи в диалоги с читателем. Автор этой книги – одна из них. Основной жанр ее стихотворений – философская лирика. Своими наставниками на литературном поприще считает поэтов Серебряного века, а также поэтов-символистов. В работах не приемлет личного трагизма и сентиментальности, практически все ее творчество покрыто налетом едва уловимого цинизма, но, несмотря на это, уже приобрело свой небольшой круг читателей.

С 2012 года Елена публикует свои произведения на литературных интернет-ресурсах, является номинантом премии «Поэт года – 2020», участником ежегодного конкурса «Классики и современники», который проводит Российский союз писателей совместно с «Литературной газетой».

Письмо, которое никогда не было отправлено, но адресат ответил

Bonjour, cher ami Arthur,

я потерялся во времени. Пишу тебе из будущего, которое никогда не наступит. Мои слова тебе – из сонных дней, из тягостных ночей, из тех времен, где только утро дарит слабую надежду, что голос говорящих правду будет услышан. Из времени того, где презираются симфонии стихов, где правят пустота и молчание мертвых языков, и их пособники – слепые диалекты с раскрашенными шутовскими лицами. Все также беспощадны и пафосны рифмоплеты, и скоморохи, и их учителя, мнящие себя великими мастерами слова. Видят ли они грязь на своих костюмах, поэты и критики в белоснежных пальто, напялившие на шеи ордена из красивых бессмысленных слов... Ценители словесности бормочут: как символична речь, как экспрессивен слог! А сами брезгливо морщат носы и отворачивают лица от той четкой и устрашающей их чахлое воображение картины поэзии, которую ты им преподнес... Да что тебе их проклятия, насмешливый мальчишка, бунтовщик! Ты просто развернул зеркала времени, и в них отражаются они сами, их лица, скрытые масками приличия. И не твои откровенные слова, поражающие недетской дерзостью страшат их, а их собственные рожи. Ни-

когда не просил ты милостыни у черноголовых галок, не равным был ты среди них, существующих и сейчас, тех, которых не коснулась призма времени, не живых и не мертвых трусливых крикунов. Пугает птиц галдящих одно присутствие хищника, страшит их то, что их добропорядочный быт рухнет под жестокими (но так ли они жестоки?) отражениями прекрасной действительности в грязи и ликах смерти. Что называется «адом»? Детская страшная сказка невообразима и смешна... Те мифические зазеркалья, которыми пугают грешников, огонь геенны, котлы и сковороды – чем не кухня для пожирателей душ! Да и кто они, эти заблудшие души, кто удостоится чести увидеть их – лишь чернокнижник и колдун или несчастный одинокий ребенок на старой мельнице? Перемелют время ее жернова, и опустеет она без твоих молитв и снов... Но нет тебя среди мертвецов, хоть в далеком Шарлевиле есть обелиск с твоим именем. А в Париже установлен памятник тебе, но, на мой взгляд, он уродлив. Твой настоящий памятник – это разбитый остов корабля, того, опьяненного морем отчаяния, обветренного одиночеством. Те, кто жив сейчас и знаком с тобой, не шлют тебе проклятий, лишь благодарность и поклон. О, как мучительно сложны твои тексты для переводчиков! И сколько заплата цензоров наложено на твои стихи! Я плакал с твоим дождем, бродил по парижским тропам, плыл пьяным кораблем и озарен твоими озареньями! Сегодня флаги так же гордо развеваются над современными кораблями и над здани-

ями посольств различных стран, гордящихся своими несуществующими различиями. И так же ужасны взгляды мертвецов-понтонов! Скажи мне, стал ли той самой маленькой лодкой в руках ребенка?.. Какими только эпитетами не «наградил» тебя за сто пятьдесят лет! Безбожник, падший ангел, наследник декаданса! Церковные пастыри крестили бы тебя вослед и призывали бы изгонять бесов из несчастного грешника... Но Бога видел ты в своих «Озарениях» и каялся перед ним... Я знаю, что в приступе отчаянной боли ты сжег свои рукописи. Бумага сгорела, рассыпались пеплом чернила... Хотел ты, верно, убежать. И убежал... Как твой корабль – в мятущиеся бури жизни. Но голос твой звучит и сейчас, отзывается в сердцах живых набатом. Ты замолчал. Но колокол звучит так громко, что его не перекричать и не заставить замолчать. А если он и замолчит, то обязательно придет другой звонарь. В пространстве вечности язык един! Dans l'espace de l'éternité, chacun parle la même langue!

Сломав и закопав трубу,
Не уничтожить музыканта.
Пусть фрак его истлел
И горло поглотила сырость,
И губы больше не отсчитывают такт...
Но живы звуки, жив источник их.
Они – ключи от всех дверей.
И есть слова и ноты – непереводимы,
Написанные шрифтом для слепых,

Колоколами онемевших звонарей.
Для тех, кто в вечности живет,
Нет вечеров, и дней, и утр.
Тот человек, что завтра ждет —
Он не был мудр.
Скалу раскалывает прут
Побега молодого – в этом сила.
В могилы умерших кладут.
А мертвому вся жизнь – могила...
Тому, кто в вечности живет,
«Адов» огонь не страшен.
Его не тронет душу грязная молва...
Пусты, как скорлупа, глазницы ваши,
Эй, смертные! Смотрите в зеркала!

Здравствуй, Рембо

*Я нашел его в той стороне,
Где молитвы не знают ответа,
Где в открытом на лето окне
Ни фотона не видел света.*

Весна! Гремящий город, пропахший талой грязью. Мой родной... Мой дом с обветренными стенами, ты равнодушно вздыхаешь, и теплота пышет в мое лицо. Аллеи подсыхают и жмурятся под майским отдохнувшим солнцем. Толкуются сорняки по обочинам. В воздухе растворена надежда одуревшей молодости по лету. Бесцельно иду я под руку с бездельем по аллее. Она розовеет от обсыпавшихся лепестков диких яблонь, стоящих ровно по ее краям. Они есть в каждом городе, эти одомашненные жители лесов – опрятные низкие деревья, вежливые, как служащие офисов. Совершенное уютное местечко – аллея городского сквера. Мир чист вокруг, как только что отмытое стекло... И чистота слепит глаза, один миг – и замирает все вокруг. Мне кажется, земля покрыта снегом. Сжимает сердце страх, пробрался внутрь зимний холод, там, прямо в буйстве мая. Снег! Только не надо, Господи, снова зимы! Стыдливо ежусь я, слепой щенок, потерявший тепло. И тает, тает наваждение. И вместе с ним теряется покой. Пропало все. И все вокруг как будто

вдалеке. Стою и вижу будто свыше – свое ничтожество и глупость. Поэт с улыбкой дурака! Все так, как есть, все на своих местах. Гуляет полураздетая весна, ты снова обманут, испуган и счастлив. Не снег на асфальте, а лепестки осыпающихся цветущих яблонь – постоянство ожидания нового времени года. Не жди, не плачь, все идет чередом. Я счастлив быть дитем природы, я наивен и любознателен. Грей меня, лето, пой ветром, весна, лейся стихами! Я люблю землю. Это, кажется, единственная часть мира, которую я люблю. Я преклоняюсь перед ассиметричной бесконечностью природного единства и красоты. Пересыпая почву в руках, не вижу грязи. Прах времен, материя тайны плодородия – верю в то, что в ней скрыта тайна рождения новой жизни. Подумать только – я боюсь зимы, как смерти. Изменник самому себе. Слабак, боюсь навсегда остаться на той теплой, засыпанной лепестками аллее, на любимой земле. Не прийти никуда, не найти смысла. Как всякий одинокий человек, я живу во множестве книг, глотаю чужие слова, как оборванец – бесплатный обед. Спасибо, хватит, я захлебываюсь в мечтах. Какая жалость – стать бы мне героем тех историй, кипенья чувств, невероятных приключений. Бурлит в душе счастье единения с природой, а руки не находят себе места. Я словно мальчик в ежегодный праздник, заваленный подарками – хватаюсь то за одно, то за другое, бросая и снова начиная бесполезные дела. Ноги заплетаются, я будто пьян сознанием того, что вечная природа хранит меня, как мать, под теплым крылом. Язык

мой глуп, я обличаю вещи и выдаю свои мыслишки и маленькие чувства за нерушимость жизненных законов. Я чтец стихов, своих беспородных отродий, и известных симфоний. Поэты удивляют красотой. Воспета жизнь, любовь, и молодость, и старость. И только смерть и боль ютятся на задворках. Ты, власть оцепенения зимы и ночи, мне даже страшно думать о тебе. Зачем, скажи, ты появилась, ты, странная тоска по обратной стороне земли, зачем ты мне, несчастному, обиженному нелюбовью мира, скулишь, дворняга, рвешь меня на части? Я счастлив был бы просто жить, не думая, не зная и не веря. Мне не с кем говорить. Я с радостью бы принял ранг посмешища в глазах людей, тогда бы, наверно, шевельнулось каменное сердце мое. Случай или судьба свели меня с тобой, Артюр Рембо, – теперь уже неважно. Путь назад закрыт.

Далекий близкий век,
Безродные певцы,
Слышны ли вам мои
Смешные монологи?
Открыта дверь в безвременье,
И только сделать шаг
Через обитые страданием пороги.
Творец времен, вернувшись
На погибель, я предаю
Себя, того, кто не родился,
Лазури чернота и вечный света сон,

Слепой заре все помнится и мнится...

Тот вечер пасмурный, вползающий в открытое окно, не даст душа моя стереть из памяти. Книжные страницы, будто живые, шевелились от ветра. Я ждал страданий пафосных, насмешливый читатель. Ведь мир так прост, гоните бесконечность прочь. Короткой жизни нашей новостей не нужно. Но если бы я знал тогда, что есть миры другие... Что можно этот мир познать, избороздив его бескрайность на «Пьяном корабле» проклятого поэта...

Пьяный корабль¹

Когда с бесстрастных рек спустился осторожно,
Уже не чуял рулевых я, плыть пытался сам,
Их ждали глиняные руки краснокожих,
Тела их голые прибив потом к цветным столбам.

Я стал свободным беззаботным экипажем,
Бездумным одиноким кораблем,
Внутри которого фламандское зерно,
Английский легкий хлопок сложен,
Но некому тревожиться о нем.

Я побежал! От ярости прилива
Похолодевший, с глупой головой.
Тот полуостров скрылся в омуте залива,
Накрывшись триумфально суетой.

С напутствиями штормового ветра
Я десять дней и столько же ночей,
Как пробка, легкий, бился в танце
Полумертвой жертвы
Без сожаления в тупых глазах огней.

Незрелых кислых яблок слаще —

¹ Перевод Елены Брюс.

Еловое нутро мое зеленая вода заполонила,
От рвотных пятен, синего вина
Я был отмыт. И развернул кормило...

Затем в поэзии воды купался.
С моря, пронизанного звездным молоком,
Вздыхалась яростно лазурь
И бледной ватерлинии касалась,
С задумчивым играя мертвецом.

Как только пустошь синевы внезапно
красной станет,
И медленно погаснет блеск дневной,
Сильнее лир и алкоголя опьяняет
Разумных горько-сладкая любовь.

Я видел небеса в разрезах молний,
Ливни, флюидами бомбящие прибой,
Но выше чем рассвет и город голубиный,
Был человек, ходящий над водой.

Я видел солнце – с ужаса гримасой
Спускалось с фиолетовых небес,
Катящиеся волны покрывали
Его, как занавес – актеров древних пьес.

Мне снился ночью снег с зеленым блеском,
Неспешный взгляд морей его ласкал легко,
Неслыханным движением соков древесных

Я так устал бродить по водяной пустыне,
А море умоляет рядом быть, рыдая.
Цветок увядший покрывает иней,
Но он цветет без сил, мольбам земли внимая.

Береговые рифы мне корму сломали,
Испачкал палубу помет отвратных белых птиц.
И я поплыл, скрипящий якорь поднимая.
Утопленник опять спустился вниз!

Кто я? Заветренная шляпка, промокшая,
В обрывках лопарей,
Избитый ураганом плот пустой,
Я чей-то воин или парусник торговый?
Я – призрак, одурманенный водой.

Свободный, тлеющий туманным силуэтом
Под шквалом огненной небесной бури,
Несущий сладость замечательным поэтам,
Плешивый солнца круг на слякоти лазури.

Бежал, облитый электрической луной,
Паром безумный под конвоем черных птиц,
Когда скрывался под карминовой волной,
Смеялось небо сонмом звездных лиц.

Я трепетал, услышав стон за сотню с лишним миль,
Бездонным горлом омута пропетый,

Волчком кружил я, призывая штиль
И близость старых европейских парашютов.

Я видел звездные архипелаги! И острова,
Где странники ночуют:
– Бездонной ночью спишь, спуская флаги,
А миллионы звезд по небесам кочуют?

Нет, правда, я не плачу! Душу рвут рассветы.
Так тускло солнце, а луна красней огня:
Я опьянен любовным хмелем света.
Пусть лопнет киль мой! Океан, топи меня!

О, если я мечтаю плыть в воде Европы,
Пусть это будет черная ложбинка ручейка,
В который грустный мальчик пустит
Лодку, похожую на крылья мотылька.

Я больше не могу купаться в боли
И раны чистить от людских следов,
Ни проходить под гордость флагов инородной воли,
Ни плыть под взглядами уродливых мостов!

То время жить и время умирать в огромном метафизическом океане, сколько веков способно ты продлиться? Корабль, нахлебавшийся свободы, опьяненный ею, дошедший до той самой грани отчаяния на краю горизонта – он поражает простотой неведомых глубин. Горю и превращаюсь

в дым под всполохами чувств – корабль, бездумный и бездушный, пройдя свой трудный путь, дошел к вершинам боли, мечтаешь о родных парапетах, стать мотыльком и лодочкой в руках ребенка... А гнев, желанье умереть – невыносимо. Живой, взбудоражившийся подросток, опьяненный беззаботной жизнью, готовый испытать бесстрашие свое, под песни и молитвы злобных праведников, стоящих на причалах, ты проплыл тысячи миль лишений в поисках той тайной и странной свободы, что никогда не покидает сердце, приютившее ее... Вернулся ли ты к своим родным и нежным берегам? А сколько их, обломанных каркасов на дне тех океанов, тех, кто не пережил обратное движение – от смерти к жизни. Но истина одна: любовь не перестанет быть.

Корабль любви, потопленный в пучине
Безумной пляской бешеных ветров,
Лежит уставшим псом на счесанной овчине,
В бездвижии своем не видит снов.

Ночь холодна. Восток зарею тлеет
И жаждет солнце выпустить из туч,
Обломки мачт на дне ни буря не заденет,
И не коснется самый длинный луч.

Под небом буйство жизни зацветает,
Бредут кудрявыми стадами волны.
Чудовищное сердце моря замирает,
Наткнувшись на поломанные ребра.

На дне немом давно остановилось время,
Лежит корабль спокойно и угрюмо.
Шныряет рыбе варварское племя
В пробоинах заилевшего трюма.

Под тяжестью прозрачного флюида,
Не видя света и не слыша голосов,
Голубоглазая склонилась Атлантида
Над саваном из рваных парусов.

Ни звука и ни тона в царстве мертвом
Не отразит ее печальная природа.
Кораллы тянут щупальца над бортом,
И якорем придавлена свобода...

А сколько миль безудержного счастья
Разрезал этот почерневший киль,
Когда без страха перед океанской пастью
Перед глазами вечности ходил!

Тоскуя по земле и солнечным приливам,
Чья память так легка и дорога,
Он обретал невиданную силу,
Стремясь к далеким нежным берегам...

Из рваной сети пленники бросались к воле,
В объятия обезумевших штормов,
И чернотой сияло дремлющее море

Под тусклым светом звездных маяков.

Он бороздил подлунное пространство
В немыслимой сияющей глуши,
Свободный ветер дальних странствий
Снимал оковы с плеч робеющей души...

Нет силы всемогущей во вселенной,
Чтоб корабли поднять из бездны черной.
Не обрастут румянцем пятна тлена,
Не запульсируют холодные аорты.

Но та, что легче воздуха и тише
Журчания лесного ручейка,
В его веселую волну опустит свыше
Кораблик из бумажного листка.

И в жерло океана устремляясь
По тоненьким расщелинкам земли,
На борт берут любовь, и, заново рождаясь,
Плывут весенние смешные корабли.

Поэт, не знающий границ времен, стань другом мне и братом, ты развернул лицо мое туда, куда всегда боялся я смотреть – в глубины собственной души, где мир смеется над кошмарными мечтами. Стихи твои рождают чувства, и они пищат, маленькие слепые существа, карабкаются, рвут мое сердце.

Так вот она – тягучая тоска,
Горячим паром обдает слегка,
Во мне самом живет
И варит зелья,
Размешивая в кипятке веселье.
Я знаю суть математических начал,
Я тождества сухие изучал,
Я отнимаю и делю на дроби числа,
Но до сих пор не вижу смысла —
Как получить миров преобразование.
Выделить из дальновидности —
Дальность,
Из тленных клочков реальности —
Звездные отражения.
Утешить в горе их, чтобы утихла
Боль...
Но вновь умов прокисшее брожение
Стремится результат
Делить на ноль.

Обнимаю тебя, моя тоска, поднимемся же над серым городом, над своей проклятой белой аллеей, где замирал я в страхе, над своими безудержно счастливыми кошмарами, преследующими меня и ночью, и днем. Прощай, гармония и страсть моих страданий. Мое мирное существование исчезло внезапно, обескураженный и жалкий, я силюсь понять смысл простейших слов. Как нежно нужно касаться тела чу-

жого языка, чтобы не поранить его... Казалось мне, что небо плачет, сожалея о людских страстях, но нет – в тебе самом рыдает сердце... Дитя природы, обереги твои никого не спасут. Мир перевернулся. И перестал быть прекрасным. Здесь каждый – бесконечно одинок. И вязнет в холоде сугробов еще не выпавшего снега, над нежностью опавших лепестков. Кто я – открытие, прозрение? Душа нема в моменте страха тела. И все вокруг, казалось, говорит. Нет чувств, одно осталось – гнетущая масштабами действительность, театр теней, мой иллюзорный дом. Голос внутри пищал, хрипел и кричал, складывал слова в затертые рифмы: стань тем, кем ты никогда еще не был, с кем ты не рос, не ел незрелых яблок, не разбивал коленей и не делился первым детским горем, тем, кто сможет вдохновлять и пробуждать чувства в других, бери и береги его – предназначение поэта. Мир, созданный живыми, – жив, разумен и приветлив. Мир, существующий извне, – твой равнодушный враг.

Когда я мир возненавидел,
Мне тут же встретилась война,
Ее лицо – древесный идол,
Ее скрипучая луна.
Ее прекрасные доспехи,
Меха зимы, вино весны,
Стволов осенних черных вежи
И летние цветные сны.
Стратег застал врасплох.

Я ранен в голову и в сердце,
На поле боя, с краю, там,
Где кони старых добрых армий
Бредут по разным сторонам.
Хромая, сбросив седоков,
Ступают тяжело меж ними.
Останусь там, где враг мое
На пьедестале выбил имя.

Друзья, листатели страниц моих, швыряли как объедки свои вердикты: «Красиво. Прекрасно. Но непонятно. Для кого это написано?» Я злился. Мне-то казалось, что все ясно, как день. Кричащий в гулкость пустоты, пространство без дыхания и смысла, тебе в ответ – ни отзвука, ни шепота, лишь эхо. Страшна личина немoty в кошмарном сне и также страшен крик в пустоты, когда глаза людские глядят сквозь тебя. Ржавеют струны душ. Людская одинаковая суть: страдать вместе, рыдать вместе – это облегчает горе, делить друг с другом свое нехитрое счастье – и оно станет огромным. С ужасом или тайным страхом в сердце ждать смерть, за которой, по слухам, нам всем станет хуже в случае попадания в ад, или мы станем счастливыми хозяевами рая – и другого не дано... Надо сказать, моя вера в Бога, рай и ад ограничивалась мысленной молитвой в часы особой грусти да посещением церкви по праздникам. Поэтому никакие религиозные «сказки» не трогали меня. Я побывал в «аду» Рембо. Чем счастлив он, художник, музыкант, по-

эт – тот, кому довелось касаться душ, этих хрупких невидимых свечений, смотреть на мир не своими глазами, кричать не о своей страдальческой натуре, политике и страхе перед неведомым «адам», а видеть за всех, слышать за всех, как Бог? О, посмотрите, я страдаю, я страшусь зимы. Меня предал друг, я расстался с любимым человеком... А вот и красивый осенний парк. Смотрите, я грущу об ушедшем лете! Насмешливые личные трагизмы с усмешкой роятся в голове, затмевая изнанку жизни и настоящее горе – смерть ничего не успевшего существа. Трагедия и боль от сознания присутствия смерти невыносима, да и не все могут перенести ее. Она – непобедимый воин, охраняющий некую границу миров. Ее нельзя уничтожить ни тысячами слов, ни мольбой, ни оружием. Ее можно только преодолеть, как вершину. Пережить жизнь. Жизнь прожить – трудно, а пережить – подчас невозможно. Да кто я, собственно, такой, чтобы рассуждать о таких вещах? Необразованный умник, возомнивший о себе невесть что, несчастный выкормыш городских окраин, честный маленький гражданин, считающий себя закономерной частью окружающего мира, его (несомненно!) важной функцией, лежу гордым камешком, выполняю работу винтика огромной системы молча. По ночам пишу отточенные непонятной грустью стихи и складываю бережно в стопки, сохраняю файлы, иногда люблюсь и перечитываю. Для души. Своей, чужой – неважно... А отражать свет неба оставьте гениям, я всего лишь рифмоплет и ничтожество – такие

мысли уничтожали меня медленно и верно, заливая черной акварелью разноцветные пейзажи моих стихов. Со стороны казалось, наверное, что я схожу с ума. И, вероятно, так и было на самом деле. Та, то ли снежная, то ли теплая, засыпанная яблоневым цветом аллея в один момент превратилась в пыльную промерзшую ухабистую дорогу, по краям которой торчали корявые деревья с голыми ветвями. Дорога в никуда, без конца. Весь этот слезливый милый мир строителей счастья и хождения под ручку с любимой подругой по ухоженным тропкам рухнул в одночасье. Чем больше я тонул в Рембо, тем холоднее становился воздух вокруг. Он так непринужденно, как некий древний молодой полубог, поднявшийся над землей, говорил о мире, охватывая его весь, до мелочей, нечеловеческим взглядом. Чувство, похожее на стыд, недоуменно глядело на меня со страниц. Так иногда среди красивых картинок и пасторальных пейзажей мелькают фантастические и ужасные изображения смерти, ада, мертвецов, затонувших кораблей, разоренных городов, руин и чудовищ. «Боже правый, да они сумасшедшие!» – часто думал я об авторах таких картин. Что заставляет их выставлять мир в черном свете, неужели те самые герои с кровавыми оскалами? Может быть, в кошмарах видятся им эти картины? Танцы висельников – чем не возвышенная тема для поэта... Неужто наяву ты видел их, висящих и лежащих мертвецов, что дергались в безумной пляске, подпевая смерти?

Рядком на виселице длинной,
Чья так любезна черная рука,
Трясут костями бесы-паладины,
И Саладиновы кивают черепа.

Маэстро Вельзевул при галстукe, во фраке,
Нахально рожи корчит небесам,
Гарцует в такт по мертвым головам,
Что встали, развеселые гуляки?
Танцуйте, стервецы, под песни Рождества!..²

Дикая, бесстрашная история совсем не похожа на сказку. Нет красоты и добра в ней, только отражение бессмысленного существования, пир на своих же костях... И мор, и дрожь холодеющих тел – старо, как мир. Страдальцы, трясетесь в плясках неумелых, все ищите пределы храбрости, а враг ваш вечен. Сегодняшний уснувший мир, пленник лeтaргии, смотри – история заброшена в темный угол, и лишь редкие храбрецы способны постоять за нее и отстоять перед натиском глупости и праздности. Бессмысленные пляски так же веселы, как век назад... Стоит народ на месте, привязан будто петлями к бревну, танцует и хохочет. Развитие, сияние разума, любовь и красота – их флаги рвет жестокий ветер:

Как же много в столетии этом ветров...
В буреломах истории спрятана память,

² Перевод Елены Брюс.

Как же много лежит на поверхности слов.
Их читать – разве только детей позабавить.

Разве планка морали настолько низка,
Что с колен не дает подниматься?
Да, вполне обустроен простор тупика,
Чтобы в мусоре жизни копаться.

Не за прошлое нам отвечать головой,
Не к лицу настоящее хаять.
Для растущих потомков – есть крест золотой.
Что нам тем, предыдущим, оставить?

Что тебе я оставил, бунтарь и мечтатель-поэт, что оставил я им, вдохновившим тебя «Озареньям»... Так хотелось бы мне рассказать тебе, что мы живы – те, кто пережил жизнь. Что с презрением и так же, без страха, глядим на оскалы смертей. Я разговариваю сам с собой. И ни на один вопрос не смог найти ответа. Мне видится безумие везде. Я мечтаю о потере памяти.

Рембо – загадочный алхимик слова, владеющий до дна архитектурной душевных потрясений. Великое воображение превращало мальчика, сидящего на старой мельнице возле мутного залива, в корабль, опьяненный морем свободы, в дождь, бродягу, революционера, влюбленного... Сотни образов и стихий, и ни одного имени. Что это – безумство или восхождение над ним? Одушевленное воплощение целой че-

ловеческой жизни, преодолевшей смерть, – нож в сердце. Стихи мои о скуке у окна, первой любви, потере друга и прочих излюбленных темах рифмоплетов – как вы наивны и смешны! Говорил ли я до этого или просто ревел, как раненое животное, не знающее ничего, кроме молитв? «Сам-то я не смогу объясниться: стал чем-то вроде нищего, что знает только свои *Pater* и *Ave Maria*. Я разучился говорить...»³ Эти слова Рембо хлещут меня по лицу, как мокрые колючие ветви. Бесконечные параллели времени, кто дал мне право не замечать вас! Мне предстояло идти по этой дороге. Остановиться – значит умереть. А заново учиться говорить – ничтожная моя попытка выжить. Я сделал шаг и оглянулся в ожидании попутчиков и помощников, хотя на пути с песнями отсебятины их было предостаточно. Но они не появились. Ни тогда, ни после.

³ Перевод Ю. Стефанова.

Затмение

Бывает, наступает такое время, когда черный диск Луны заслоняет солнце, и в мире земном начинается суматоха. Затмение. Лед обжигает, а от солнечных лучей бросает в дрожь. Цветы закрываются, теряя свет. Птицы и рыбы, движимые инстинктом сохранения в толпе, собираются в стаи, некоторые виды живых существ бросаются в незнакомые ареалы обитания, впадают в несвойственную им спячку. Жизненная энергия концентрируется на границе нарушения биоритмов, как перед близким уничтожением. Предчувствие гибели – достойная причина для животных изменять свое поведение. Природа неизменна, она живет своими законами. Можно сколько угодно закрывать глаза под слепящим солнцем, но оно так и останется висеть на небе, полыхая где-то в немислимой высоте. Одна маленькая вещь может заслонить все небо, если вы прикроете ей свои глаза. Причина духовной слепоты – наш страх перед солнцем. Спокойнее скрываться в тени и молиться о прекращении страданий. Достойно ли людям вести себя подобно животным в другом, душевном затмении – затмении души, предчувствуя ее гибель? Думаю, если человеку выпала доля увидеть затмение в собственном сознании, он должен иметь силы и совесть, чтобы пережить его без животных метаний и рассказать об этом, иначе зачем дана способность говорить? Природный

страх – зверь внутри, поклонник боли и пошляк, голый инстинкт – рвется наружу. Я бездарный и насмешливый его хозяин. Мой слабый голос, звучи! Слова, ножом врежьте в сердца!

Мы запираем двери,
Чтобы трястись от страха.
Боимся, что внутренний зверь
Воспрянет не духом, а прахом.
Ночи громада бурей бесится.
На небе месяц смеется.
Жизнь – бесконечная лестница
К восходящему солнцу.
Святоша клянет поверье,
Что Бог ему счастья выделит,
Гладит душевного зверя,
Глухой, и не видит, видимо.
Зверь наш скрипит зубами,
Царапает бетонную стену.
Кошмары владеют углами,
Ломают части системы.
Тучи глотают воду.
Листья обрушиваются на плечи.
Тушит фонарь непогода,
Торопит домой вечер.
Мы запираем двери
В комнат своих квадратуры,
Страшные спящие звери,
Сказочные балагуры.

Так вот оно – затмение души. Прими его как есть, не сомневайся, слишком много знаков было дано, слишком много временных параллелей открылось мне во всей своей четкой математической красе. Что делать, если вдруг луна горит огнем, а солнце черно как уголь? Понять? Принять как данное эту отвратительную ясность? Я схожу с ума и утомлен тягучим диалогом с эхом. Изнутри вырывалась боль, снаружи бил озноб, разум пытался обуздать мысли. «Луна не бывает огненной!» – кричал во мне разум. Я соглашался и не верил глазам. Мир цвета и чувств потерял все основные свои признаки. Так в душе просыпалась любовь, моя забитая и несчастная любовь к жизни, но понимание пришло гораздо позже. Тогда я метался, как дикая рысь по ветвям и берегам, когтистой лапой прикрывая глаза от солнца... Инстинкты! Власть их сильна и нерушима в животных, но я – человек. «Я же живой человек!» – так в жизни обычно вскрикивают люди, пытаясь оправдать свои бездумные поступки, которые, как им кажется, совершаются во имя любви. «Ты – простое животное, – хочется ответить им, – пока на тебе надет ошейник страха и прицеплен к нему поводок, который держит в руках мать-природа». Неразлучная парочка – земная любовь и ревность – инстинкт продолжения рода и инстинкт обладания. Когда попадаешь в их капкан, становится сложно отличать одно от другого: слепнешь и глoenixь. Свет чистой любви и земная (земляная!) привязанность с претензией на

правообладание предметом любви начинают борьбу, отсюда и огонь ярости, и ледяная апатия, и даже оскалы грубости. И имя всему этому – сумасшествие. Теперь я здесь – на грани, отделяющей меня от прошлого, возле пустоты, стою на полосе отчуждения.

Я стою у двери смысла
С медным сломанным ключом.
Коротают время мысли
В разговорах ни о чем.
Одинокая усталость
Серым осликом вздохнет.
Полежать уложит жалость:
Пусть, бедняга, отдохнет.
Я такой несчастный малый,
Перед небом ник к земле,
Как листочек палый, алый —
К желтой веточке-губе.
Преднамеренное счастье.
Переигранный роман.
Венка бьется на запястье,
Света нет. Погас экран.
Звон в ушах. Каркасы зданий.
За спиной горят мосты.
Балансирую на грани
У порога пустоты.

Так иногда, когда заснешь днем, просыпаешься вечером,

не можешь определить время суток, бродишь оцепеневшей сомнамбулой. Я заснул в прошлом, проснулся в будущем. Боль, жалость к самому себе переполняют мое сердце. Все тщетны поиски, где ты, настоящее? Где я? Солнце гаснет, а луна сияет странным светом. Затмение прошло, но все поменялось местами. Мне хочется исчезнуть, стать пылинкой или синей звездой. Я обуздал зверя.

Нет, правда, я не плачу! Душу рвут рассветы.
Так тускло солнце, а луна красней огня:
Я опьянен любовным хмелем света.
Пусть лопнет киль мой! Океан, топи меня!..

Бессердечно время отчаяния.

Кому твоя душа принадлежит, кроме Бога? Он не отвечает на эти метания ничем, кроме молчания... Не отдавай ее никому. Что тут остается? Не надеяться на помощь, а верить в нее. Часто мы дарим душу людям, которым она совершенно без надобности. Представьте, что вы дарите ребенку сложный прибор и обижаетесь на него, что он, не умея с ним обращаться, сломал и испортил вещь. Не его вина в этом, а ваша. Выбор единственный и самый важный в жизни каждого живого говорящего – завернуться в теплый плед окружающего реального мира, принять его во всей его красе и пожать руку несправедливости или шагнуть в ледяную прорубь вечности, где ты невидим для слепых. Какой же я дурной! Странная тоска гложет меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.